

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своем аналитическом обзоре публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство» крупнейший отечественный африканист Н.Б. Кочакова еще в 1999 г. констатировала отсутствие удовлетворительных определенных понятий «вождество» и «государство», а также обращала внимание на необходимость разграничения развитых (сложных) вождеств и зачаточных ранних государств¹. Практически все ее замечания по-прежнему актуальны, и разработке именно этой проблематики, связанной с генезисом и исторической динамикой раннеполитических систем, посвящен предлагаемый вниманию читателя сборник статей из серии «Ранние формы общественного развития», являющийся тематическим продолжением коллективной работы «Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности»².

Открывается сборник большой статьей, или, скорее, мини-монографией Л.Е. Гринина «Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ», посвященной выявлению и описанию различных аналогов ранних государств и их скрупулезному типологическому сравнению с ранними государствами. По сути, это первое в политической антропологии столь масштабное кросс-культурное исследование раннеполитических систем. Автором установлено, что различия между ранними государствами и их аналогами заключаются не в размерах, уровне сложности организации и решаемых задач, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом. Поэтому для различения раннего государства и его аналогов требуются специальные критерии (те, что отличают ранние государства и их аналоги от стадияльно догосударственных обществ): 1) особые свойства верховной власти; 2) новые принципы управления; 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества; 4) редистрибуция власти. Сформулированы и эволюционные условия появления ранних государств: а) объективные, которые дают потенциальную возможность политиям трансформироваться в государство; б) особые, то есть конкретно-исторические; в) экстремальные ситуации,

служащие триггером (толчком, импульсом). Если же в обществе имеются все объективные условия для формирования раннего государства, но не хватает конкретно-исторических (и/или не возникло экстремальных), то, по мнению исследователя, возникают различные типы аналогов ранних государств.

Д.М. Бондаренко в своей статье «Родственный и территориальный принципы организации общества и феномен государства» исходил из постулата, что принцип организации общества — преимущественно родственный или территориальный — как критерий различения государственных и негосударственных социумов весьма значим, но изучив современное состояние проблемы, пришел к заключению, что проблема родства и территории — это вопрос меры, соотношения между ними, а не наличия или отсутствия, хотя общей социоисторической тенденцией действительно является постепенное вытеснение родственных институтов территориальными на надлокальных уровнях социокультурной и политической сложности. В то же время нет никаких оснований искать в истории того или иного общества момент некоего скачка — от полного доминирования родства к абсолютному господству территориальных связей. Напротив, история представляет собой континуум социально-политических форм, в типологической последовательности которых, можно обнаружить общую динамику от большей к меньшей значимости родственных связей по сравнению с территориальными. Немаловажным уточнением является то, что, с одной стороны, в основе государства не могут не лежать преимущественно территориальные связи, но, с другой стороны, это вовсе не значит, что никогда не существовало основанных на них же сложных негосударственных обществ.

В обобщающей работе Ю.Е. Березкина «Археология, этнография и политогенез» представлены следующие археологические критерии усложнения политической организации: наличие крупных поселений и их иерархия по размеру и различиям в характере сооружений, наличие крупных общественно-культурных сооружений (монументальная архитектура), а также сокровищ в захоронениях, кладах и жертвенниках. При всей фрагментарности приведенные в статье факты позволяют проследить ряд закономерностей. Так, основной власти элиты в обществах Древней Америки являлся

контроль над циркуляцией изделий и материалов, связанных с престижным потреблением, а также над эзотерическим знанием. Наличие же всех четырех археологически видимых признаков, свидетельствующих о значительном усложнении политической организации, достаточно для того, чтобы условно именовать соответствующие общества (Мочика, Уари, Эрлитоу или Монте-Альбан) государствами или, точнее, достигшими государственного уровня организации.

Аналогичную работу выполнил и Н.Н. Крадин («Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ»), трактующий термин «цивилизация» как синоним общества, имеющего развитую социальную структуру, государственность или не менее сложные альтернативные формы политической организации. Автору не удалось найти качественные универсальные признаки цивилизации, поскольку ни письменность, ни урбанизация, ни монументальная архитектура, ни иной критерий не являются обязательным признаком сложного общества с государственностью и цивилизацией. В то же время кросс-культурный анализ показал наличие иерархической и гетерархической тенденций/стратегий в социальной эволюции. Кроме того, есть качественная корреляция между стратификацией, политической иерархией, урбанизацией, с одной стороны, и сложившейся письменностью, с другой стороны. Таким образом, ранние государства, классы и городские общества могут существовать без письменности. Однако если в обществе первичного политогенеза имеется сложившаяся письменность, это означает, что в данном обществе должны существовать развитая (классовая) социальная структура, государственность и урбанизация. Только сложившиеся политии с сильной централизованной структурой и развитой социальной иерархией пришли к необходимости кодирования информации, что было связано с оптимизацией механизмов управления сложными обществами. Другими словами, письменность является объективным критерием, который отделяет предгосударственные общества от стадии цивилизации.

В статье Л.П. Грот «Ранние формы политической организации в истории Скандинавских стран в освещении шведской историографии» прослежены основные этапы изучения проблем шведского политогенеза — от периода архаизации

истории государственности, когда объединение свеев и гётов под властью одного правителя отождествлялось с образованием шведского государства и датировалось либо временем Тацита (I в.), либо серединой VI в., до периода пересмотра, в том числе с применением концепции вождества (с конца 1970-х гг.), мифологизированных устоев шведской историографии, когда было осознано, что путь к шведской государственности был весьма долгим, а потестарные институты не выходили за пределы догосударственных как в течение всего вендельско-викингского периода (VI–XI вв.), так и столетие после него. Все попытки доказать объединение земель гётов и свеев ранее, чем в XII–XIII вв., не увенчались успехом. Выяснилось и то, что и сама территория свеев вплоть до XI в. не представляла прочного объединения с надлокальной властью, а замедленный характер шведской социополитической эволюции в значительной степени определялся спецификой демографического развития и природной среды. Следует отметить, что особенности геофизического развития прибрежной части Швеции весьма интересны в общеисторическом контексте, поскольку она носит название «Руден/Рослаген» и связывается с древнерусской историей, а норманистами даже предлагается в качестве прародины Руси. Однако факт довольно позднего образования (не ранее XI–XII вв.) прибрежной полосы Руден/Рослаген делает бессмысленными усилия использовать эти топонимы для реконструкции (через посредство финского названия Швеции Ruotsi/Rootsi) названия выходцев из этой местности, которое уже якобы в IX в. могло превратиться в «Русь». В статье представлены бесспорные свидетельства того, что территория, получившая название Руден в конце XIII в., не только в IX в., но и в X в. практически не существовала, ибо все еще находилась под водой.

Статья А.Ю. Дворниченко «“Государство Киевская Русь” как историографический феномен» представляет собой весьма фундированный историографический обзор научной литературы о появлении и становлении государственности в Древней Руси. Историк констатирует, что представители практически всех отечественных школ и направлений так и не смогли разрешить проблему древнерусского политогенеза и внести ясность в вопрос о том, каким же государством была Киевская Русь и когда оно возникло. Рассмотрение Киевской Руси как

историографического феномена привело к парадоксальному выводу, что мы имеем дело с мифическим государством, которое вряд ли стояло у истоков государственной традиции восточных славян. Весь период так называемой Киевской Руси был общинным, то есть позднепервобытным.

В центре внимания статьи Д.Е. Алимова — процесс формирования этнополитической общности далматинских хорватов в VII–IX вв. Противопоставление аварам и франкам местной элиты, первоначально бывшей элементом аварской социально-политической структуры, но принявшей групповое имя хорватов, стало конституирующей основой новой этнополитической общности, использовавшей пришедший из Франкского государства этнический дискурс. Автором показано, что этногенетические процессы начались только с политизацией названия «хорват», а это подтверждает значимость потестарно-политического модуса этногенеза.

А.А. Маслов и В.А. Попов в статье «Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза (к проблеме стадийного и цивилизационного развития доколониальной Тропической Африки)» исследуют предпосылки, которые способствовали развитию тенденций вторичной государственности, в частности наличие особых социально-коммуникативных сетей типа джаму, образовавшихся в доколониальный период во многих регионах Тропической Африки. Джаму и их аналоги обусловили появление единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями и ставших главной предпосылкой политической интеграции. Как оказалось, основным структурообразующим принципом организации сетевых сообществ является родство (реальное или фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, причем номенклатуры родства отражают не только собственно родственные, но и транстерриториальные взаимоотношения. Фактически исторический процесс в доколониальной Тропической Африке развивался таким образом, что социально-коммуникативные сетевые структуры оказались мощным фактором вторичного политогенеза.

В статье Е.Н. Успенской «Системные принципы организации кастового общества» впервые кастовый строй рассмат-

ривается как способ контролирования шоковой (а потом и долговременной стрессовой) ситуации контакта между ариями и автохтонами Индии, при этом индуизм имеет ярко выраженный характер высокоэффективной социальной технологии, основным инструментом которой является кастовый способ организации социальных коллективов, а сама каста рассматривается как специфическая форма санскритизации периферийных народов Южной Азии. Теоретические положения статьи во многом пересматривают устоявшиеся взгляды на индийскую культуру, которая благодаря своей великой текстовой и философской традиции считается настолько высокоорганизованной, что нельзя даже допустить возможность функционирования «примитивных» институтов и социальных форм. Но ни научные аксиомы, ни новые тенденции в современной социальной жизни и перестановки в статусных схемах не отменяют могущества связей родства в кастовой организации, не изменяют главного — индийское традиционное общество стоит на родственной (клановой) самоорганизации «бирадари» (букв. «братство-равенство»), причем паритет статусов дополняется правилами клановой экзогамии.

Авторский коллектив надеется, что статьи сборника внесут свой вклад в теоретическое осмысление политогенетических процессов и познание специфики исторической динамики и функционирования ранних форм политических систем.

В.А. Попов

¹ *Кочакова Н.Б.* Раннее государство и Африка. М.: Ин-т Африки РАН, 1999. С. 10.

² Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 1995. Другие коллективные труды этой серии: Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции / отв. ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 1993; Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика / отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2000.